

Цзинь Цзяньсин поперхнулся и судорожно закашлялся.

Что?! Что Чу Тань только что сказал?

«Одежда выглядит отлично»?! Он же органически не переваривает яркие цвета! С какого перепуга ему вдруг «отлично»?!

Цзинь Цзяньсин с самого утра с ног сбился, обошёл несколько торговых центров, чтобы собрать этот безумный пестрящий наряд, который Чу Тань гарантированно должен был возненавидеть. И ради чего? Чтобы услышать: «У тебя отличная одежда, очень красивые цвета»?

Едва сдерживая недоумение и ярость, но пытаясь не шуметь на лекции, Цзинь Цзяньсин резким движением повернулся к соседу и впился взглядом в его тёмные, с едва различимым красноватым отблеском глаза.

Чу Тань, как ни странно, в этот раз взгляд не отвёл.

— Ты сказал «красивые»? — переспросил Цзинь Цзяньсин, желая убедиться, что ему не послышалось.

Чу Тань вполне серьёзно кивнул.

— Правда красивые?

Чу Тань молча посмотрел на него. Неужели Цзинь Цзяньсин нарядился не ради комплимента?

Тогда к чему всё это?..

Поразмыслив пару секунд, Чу Тань, кажется, всё понял. Цзинь Цзяньсина недавно без разрешения погладили по голове, а с его вспыльчивым нравом он никогда бы не спустил такое с рук. И уж точно не стал бы случайно прогуливаться возле Архитектурного института, прихватив с собой стаканчик кофе. К тому же его утреннее появление — с напорной, чуть ли не агрессивной грацией — явно говорило о спланированной акции.

Разноцветный наряд?

Ах да... Чу Тань вспомнил.

Как-то раз Сун Синь ради шутки показывал ему студенческий форум. В профиле Чу Таня среди прочего висела плашка: «Не выносит яркие цвета, предпочитает тёмные тона».

Тогда он лишь усмехнулся: никакой неприязни к ярким оттенкам он не питал, скорее наоборот — очень их любил.

В конце концов, с миром, выкрашенным лишь в чёрно-белые тона, хорошего проекта не создашь.

Так что теперь, сопоставив реакцию Цзинь Цзяньсина с этим фактом, Чу Тань окончательно собрал мозаику.

— Ну... значит, некрасивые, — поправился он.

На этот раз в его улыбке промелькнула едва уловимая лукавая хитринка.

Раз уж Цзинь Цзяньсин так «потел и старался», стоит оказать ему услугу и сыграть по его правилам, верно?

Цзинь Цзяньсин, получив два абсолютно противоположных ответа, озадаченно застыл. То красивый наряд, то некрасивый... Так всё-таки какой?!

Впрочем, главного он добился. Выждав момент, Цзинь Цзяньсин с чувством выполненного долга сбросил лоскутную куртку, продемонстрировав во всей красе радужную кофту.

Чу Тань, наблюдая за этим перформансом, с лёгкой улыбкой сделал глоток из стакана.

Американо. Обжигаяще горький.

Чу Тань едва заметно нахмурился.

— Что, не пьёшь американо? — Цзинь Цзяньсин, не сводивший с него глаз, мгновенно уловил эту мимолётную тень на красивом лице.

Из-за постоянных сушек и набора мышечной массы спортсмены глушили чёрный кофе литрами, так что Цзинь Цзяньсин просто заказал два одинаковых стакана, не задумываясь.

— Нормально, — ответил Чу Тань.

Когда резкая горечь спала, он слегка облизнул губы и случайно задел ссадину, оставшуюся со вчерашнего вечера.

Брови снова сошлись к переносью — на этот раз заметнее.

Цзинь Цзяньсин, заметивший ранку на его губе ещё у входа в аудиторию, сжал губы и залез в карман той самой лоскутной куртки. Спустя секунду он выудил оттуда добрый десяток пакетиков с сахаром.

— Если не привык к такому, я прихватил сахара, — произнёс он и высыпал их прямо перед Чу Танем.

Тот невольно опешил.

Откуда у него столько?

Цзинь Цзяньсин, словно прочитав его мысли, пояснил:

— Не знал, пьёшь ли ты американо, вот и набрал про запас. Хватит?

С этими словами он ловко надрезал один пакетик и протянул Чу Таню.

— Спасибо, — тихо отозвался Чу Тань, забирая сахар и высыпая его в стакан.

Кристаллики медленно погружались на дно, растворяясь в тёмной жидкости.

«Нарядился в вывихивающие глаз цвета, думая насолить мне... и при этом вызвался принести кофе, да ещё и набрал столько сахара, заботясь, чтобы мне не было слишком горько».

Чу Тань про себя отметил: проникательный, внимательный и, вопреки диковатому виду, вполне воспитанный парнишка...

Чу Тань высыпал один порционный пакетик и задумчиво уставился на кофе, точно раздумывая, достаточно ли этого. Цзинь Цзяньсин искренне удивился: кто бы мог подумать, что этот ледяной красавец окажется таким сладкоежкой?

Он на автомате наддорвал второй пакетик.

В этот раз отдавать в руки не стал — стакан стоял прямо на столе перед Чу Танем, к чему лишние движения?

Проще высыпать самому.

Подавшись вперёд, Цзинь Цзяньсин небрежным движением высыпал ещё порцию сахара в его стакан.

Это неожиданное сближение мгновенно раскалило воздух между ними. От спортивного парня волной потянуло жаром, смешавшимся с терпким ароматом кофе и густым, сбивающим с толку мужским феромоном.

Задумчивый Чу Тань почувствовал обжигающий импульс. Он невольно повернул голову — и оказался лицом к лицу с наклонившимся Цзинь Цзяньсином.

Взгляд сам собой притянулся к его губам.

К тем самым полным, чувственным губам, от вида которых обострялся и становился совершенно неконтролируемым его синдром оральной фиксации!

Если пару минут назад пестрящий наряд Цзинь Цзяньсина ещё отвлекал Чу Таня, не давая сфокусироваться на его рте, то сейчас этот близкий визуальный контакт ударил по мозгам с мощностью электрического разряда.

Дикий, непреодолимый голод накрыл его мгновенно, заставляя душу буквально гореть.

Будто обжёгшись, Чу Тань резко надвинул кепку на самый лоб, спрятав лицо в глубокой тени.

Цзинь Цзяньсин, едва выбросивший пустой пакетик, снова онемел.

«Опять?!»

В Университете Б всегда придерживались демократичных порядков, так что преподаватели сквозь пальцы смотрели на внешний вид, головные уборы, еду или тихие разговоры на лекциях — главное, чтобы не мешали занятию.

Едва Чу Тань скрыл лицо под козырьком, сидящая впереди студентка Ван Жуй обернулась с альбомом в руках. Сначала она быстро глянула на Цзинь Цзяньсина, а затем с вежливой улыбкой обратилась к Чу Таню:

— Старшекурсник Тань, не подскажешь? Не мог бы ты глянуть на эскиз архитектурного перспективного вида? Мне кажется, тут где-то ошибка...

Сидевший рядом Цзинь Цзяньсин нахмурился.

«Старшекурсник? Мы же все на одном потоке, какой ещё старшекурсник?»

Впрочем, в Университете Б к обращениям относились свободно: «старшекурсником» могли называть любого однокурсника, если тот был чуточку старше или авторитетнее.

Внезапное вмешательство девушки немного отвлекло Чу Таня от нездоровой фиксации на чужих губах. Он уже собрался взглянуть на рисунок Ван Жуй, как вдруг со стороны Цзинь Цзяньсина раздался ехидный голос:

— Твой «старшекурсник Чу» сейчас ничего не увидит. Он козырек так низко надвинул, что ему только собственный нос и виден.

Столь откровенную шпильку невозможно было не заметить.

Чу Тань про себя вздохнул: видимо, его жесты опять задели самолюбие Цзинь Цзяньсина...

— Рисунок я вполне вижу, — ровным тоном ответил Чу Тань.

Он чуть приподнял козырёк кепки, взял карандаш и сделал пару быстрых штрихов на наброске Ван Жуй.

Всего пару росчерков — и плоский рисунок мгновенно ожил, а композиционная ошибка испарилась сама собой.

Цзинь Цзяньсин озадаченно изогнул бровь:

— А ты силён. Отличный набросок.

— Спасибо, — отозвался Чу Тань.

Цзинь Цзяньсин прикусил язык. Снова «спасибо»! Он что, припёрся сюда в этой клоунской радужной одежде только ради того, чтобы выслушивать его вежливые «спасибо»?!

— Ещё сахара?

— Давай, — кивнул Чу Тань.

Цзинь Цзяньсин послушно вскрыл очередной пакетик и сам высыпал содержимое в стакан.

Сидевшая впереди Ван Жуй наблюдала за этой сценой с открытым ртом. Её выражение лица эволюционировало от ступора к изумлению, а затем — к бурной радости.

«Боже мой... Какой шипперский рай! Вредный дерзкий пёсель подкалывает хозяина, но при этом трогательно о нём заботится! Делает вид, будто одолжение оказывает, а сам следит за каждым его шагом... А-а-а, да это же чистый романский сюжет, я сейчас умру от умиления!»

На самом деле Ван Жуи обратилась к Чу Таню лишь под нажимом подруг. Теперь она могла со спокойной совестью возвращаться к своей компании с главным отчётом: «Драки не будет, они милуются!»

Девушка быстро повернулась к подругам и принялась эмоционально шептаться с ними, а Чу Тань снова перевёл взгляд на Цзинь Цзяньсина.

— И зачем ты нарядился во всё это пёстрое? — наконец спросил он.

Услышав долгожданный вопрос о своей одежде, Цзинь Цзяньсин мысленно завилял хвостом, но вслух выдал с наигранным вызовом:

— А что такое? Глаза режет?

— Угу, ещё как. Рябит так, словно рядом со мной растрёпанный индюк уселся.

Чу Тань обычно не любил задевать людей, но раз уж Цзинь Цзяньсин приложил столько усилий для этого «представления», нужно было пойти ему навстречу — иначе тот так и просидел бы рядом с кислым видом.

— Какой ещё индюк?! Я павлин! Распустивший хвост павлин!

Услышав «беспощадную» оценку, Цзинь Цзяньсин мгновенно оживился и пошёл в разнос, сам не заметив, как сравнил себя с распушившим хвост павлином.

Впрочем, тут же сообразив, что аналогия вытягивает так себе, он решил сменить тактику.

— Ты что, так сильно любишь яркие цвета? — Чу Тань продолжал отыгрывать роль, поморщившись с показным отвращением.

— Ещё как! Я весь цветной, с головы до ног! Включая трусы. Хочешь убедиться?

Чу Тань только молча посмотрел на него.

Цзинь Цзяньсин, войдя во вкус, уже занёс руку, делая вид, будто и впрямь собирается задрать кофту и выставить напоказ своё бельё.

Чу Тань, не выдержав этого перформанса, снова опустил козырёк.

Разумеется, Цзинь Цзяньсин и не думал реально показывать трусы — принцесса школы Чу весь из себя такой утончённый, от подобной картины его бы вообще удар хватил! Цзинь Цзяньсин

просто пытался вызвать у него отвращение и вывести из себя.

Раз уж Чу Тань шарахается от него как от чумы, то можно идти до конца. Вдруг удастся выведать, почему тот его избегает? Да и месть за дерзкое поглаживание по голове никто не отменял!

Глядя на довольную физкультурную физиономию Цзинь Цзяньсина, гордого за свой «успех», Чу Тань понял, что раскусил его на все сто.

Он не удержался и, чуть повернув голову, с ухмылкой поддел:

— Если тебе так нравятся яркие цвета, сделал бы себе радужный маникюр. Каждый ноготь своего цвета — красота.

На этот раз Цзинь Цзяньсин подвоха не поддержал, лишь презрительно цыкнул:

— Делать мне больше нечего! Я такой бабской хернёй не занимаюсь.

Чу Тань на секунду замолчал.

Ну да, разумеется. Стопроцентный гетеросексуал Цзинь Цзяньсин органически не переносит гомосексуалистов и всё, что с ними связано.

Цзинь Цзяньсин не понял, с чего вдруг Чу Тань, только что подшучивавший над его одеждой, резко замолчал и снова спрятался под кепку. Где он опять накосячил?

Он уже собрался выяснить причину этой перемены настроения, как преподаватель Ван, стоящая у доски, громко постучала мелом по чёрной поверхности. Аудитория мгновенно стихла.

— Так, записываем задание! — возгласила преподаватель Ван. — Работаем в парах. Нужно провести социологический опрос жителей нашего города на тему уровня инсоляции и освещённости жилых помещений. Опросить не менее пятидесяти человек, верхнего предела нет. Срок — завтра!

При слове «завтра» по аудитории прокатилась волна стонов.

Преподаватель Ван тут же прикрикнула:

— Разнылись! У вас сегодня во второй половине дня ни одной пары нет! Не дам я вам задания — вы же в общежитии плашмя пролежите. Ни на пленэр не сходите, ни за эскизы не сядете!

Чем вы вообще заниматься собрались? Никаких возражений! Группы формирую сама. Чжао Тянь и И Шэнмо — первая пара; Чжан Бяо и Цянь Шэнлун — вторая...

— Чу Тянь...

Дойдя до имени Чу Тяня, преподаватель Ван замялась.

Чу Тянь вполне мог работать и в одиночку — парень дисциплинированный, требователен к себе как никто другой. Она уже хотела предложить ему выбрать напарника самому, как вдруг с последних рядов донёлся громкий голос.

Цзинь Цзяньсин поднял руку и, совершенно не стесняясь, поднялся во весь рост, словно находился на собственном факультете:

— Преподаватель! Мы с Чу Танем в паре!

Аудитория замерла. Чу Тянь от такой наглости тоже застыл.

Преподаватель Ван ошеломлённо хлопала глазами. В Университете Б не было ни одного преподавателя, который не знал бы Цзинь Цзяньсина. Ректор даже назначил его председателем студсовета лишь ради того, чтобы хоть как-то приструнить этого бунтаря, ходившего по кампусу буквально гоголем.

Поэтому, когда Цзинь Цзяньсин появился сегодня на занятие Архитектурного института, преподаватель Ван изо всех сил делала вид, что всё в порядке. На счастье, парень хотя бы соблюдал правила приличия и не сорвал лекцию.

Но это-то что за выходка?

Соглашаться? Или отказать?

Она перевела взгляд на Чу Тяня, поймала его столь же ошеломлённый взор, а затем снова посмотрела на Цзинь Цзяньсина:

— Студент, а у твоего факультета разве сейчас нет занятий?

— Есть. Но я не пойду! — Цзинь Цзяньсин держался уверенно, ни капли не смущаясь.

Ответил как отрезал, будто прогуливать пары собственного института было для него обычным делом.

Наглость — неимоверная, дерзость — абсолютная...

— И зачем же ты пришёл на наш факультет? — сдавленно спросила преподаватель Ван.

— Восхищаюсь... Архитектурным институтом, — Цзинь Цзяньсин сделал выразительную паузу, отчего по аудитории мгновенно пронёсся взволнованный гул.

Ван Жуй с подругами еле сдерживали визг! «Восхищаюсь Архитектурным институтом»?.. Да он же прямым текстом говорит, что восхищается принцессой школы Чу!..

— Ты что вытворяешь? — опомнившись, Чу Тань резко повернулся к нему.

Внушительная фигура спортсмена отбрасывала на него широкую тень. Под радужной кофтой угадывался рельефный точёный торс — мощные грудные мышцы, широкие плечи и узкая, поджарая талия. С этого ракурса Чу Таню отлично виден был каждый изгиб его атлетического тела.

А чуть выше располагались те самые губы, от вида которых Чу Тань терял над собой контроль. Пухлые, с чётким контуром и соблазнительной ложбинкой посередине, в игре света и тени они выглядели сногшибательно. Одно мгновение — и взгляд Чу Таня снова оказался в плену.

Цзинь Цзяньсин разомкнул губы, отвечая на его вопрос.

Прямо посреди лекции, на глазах у сотни студентов, его голос прозвучал громогласно, властно, словно клятва:

— Ничего особенного. Просто...

Он развернулся и встретился с ошеломлённым взглядом Чу Таня. На его лице играла наглая, дерзкая ухмылка:

— С сегодняшнего дня я от тебя ни на шаг не отстану!

<http://bllate.org/book/20661/2112310>